

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ: ОТ ГОГОЛЯ ДО ЗОЩЕНКО

¹ Nuride Ganbarova

<https://doi.org/10.69760/gsrh.0250203016>

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ эволюции образа «маленького человека» в русской реалистической прозе XIX — начала XX века, начиная с архетипического образа Акакия Акакиевича в произведениях Н.В. Гоголя и завершая сатирическими персонажами М.М. Зощенко. Рассматриваются ключевые литературные тексты, в которых «маленький человек» выступает выразителем социальной уязвимости, отчуждения и психологической хрупкости. Особое внимание уделяется трансформациям данного образа: от трагического восприятия личности, потерянной в бюрократической машине, до иронического и гротескного отражения советской повседневности. Анализируются как стилистические особенности — язык, повествовательные стратегии, сатирические приёмы, — так и концептуальные сдвиги, обусловленные историко-культурными изменениями: ростом бюрократии, урбанизацией, социальным давлением и изменениями общественного сознания. В работе подчёркивается, что образ «маленького человека» является не только литературной константой русской прозы, но и чутким индикатором социальных, идеологических и эстетических процессов своего времени, позволяя понять динамику взаимоотношений личности и власти, а также механизмы социального отчуждения.

Ключевые слова: *маленький человек, русская проза, Гоголь, Достоевский, Чехов, Зощенко, реализм, сатира, психологизм*

Введение

Образ «маленького человека» занимает одно из центральных мест в русской литературе XIX–начала XX века (Ночевка, 2018). Это уникальное явление художественной традиции отражает глубокие социальные, психологические и философские проблемы, связанные с положением индивида в обществе, бюрократической системой, а также внутренними конфликтами личности. Несмотря на кажущуюся простоту, этот образ несёт сложный смысловой и символический заряд, служит зеркалом социального неравенства и отчуждения, а также духовного поиска и страдания.

Выбор темы обусловлен значимостью «маленького человека» как литературного архетипа, который претерпел заметные трансформации от гротескно-трагического образа у Николая Гоголя до иронично-сатирического в творчестве Михаила Зощенко (Тинтин, 2022). Изучение эволюции этого образа позволяет проследить, как менялись общественные реалии

¹ Qanbarova, N. Müəllim, Avropa Dilləri kafedrası, Naxçıvan Dövlət Universiteti, Azərbaycan. Email: nurideqenberova@ndu.edu.az. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1620-2343>

и художественные методы в русской прозе, а также понять, каким образом литература способствовала формированию социальной критики и культурного самосознания (Демидов, 2024).

Историография исследования образа «маленького человека» богата: начиная с критики XIX века (Писарев, Чернышевский), через советские и постсоветские интерпретации (Лукач, Бахтин, Бертельс), и до современных культурологических и социолингвистических подходов (Косицин, 2015; Скорospelова, 2003). Современные исследователи обращают внимание не только на социальный аспект, но и на психологическую глубину героев, их речевые особенности и место в общей системе художественного реализма (Ларина & Новикова, 2024).

Цель статьи — провести комплексный анализ образа «маленького человека» в русской реалистической прозе от Гоголя до Зощенко, выявить основные типологические черты, проследить влияние социальных изменений и литературных традиций, а также проанализировать специфику художественного воплощения этого образа у ключевых авторов. Задачи включают рассмотрение происхождения и эволюции образа, изучение его социальной и психологической функций, а также сравнительный анализ на примерах произведений.

2. Происхождение и типология «маленького человека»

Русский реализм XIX века сформировал новую художественную парадигму, в центре которой оказался человек с его реальными проблемами, социальными ограничениями и внутренними переживаниями (Ночевка, 2018). Образ «маленького человека» возник как реакция на романтические идеалы и сентиментализм, акцентируя внимание на судьбах простых, зачастую незаметных в обществе личностей.

Так, у Гоголя в повести *Шинель* герой Акакий Акакиевич — чиновник низшего звена — становится символом утраты человеческого достоинства в бюрократической системе (Демидов, 2024). Его судьба иллюстрирует разрыв между личностью и обществом, ставший основой для многих последующих произведений.

Рост бюрократического аппарата Российской империи привёл к формированию слоя мелких чиновников, которые оказались заложниками системы. Урбанизация создаёт анонимную среду, где человек теряется и ощущает свою ничтожность (Скорospelова, 2003; Косицин, 2015).

У Достоевского в образе Мармеладова из *Преступления и наказания* отражается трагедия человека, потерявшего социальную опору, погружённого в нищету и зависимого от общества. «Знаешь ли ты, милостивый государь, что значит, когда уже некому больше пойти?...» — эта реплика концентрирует в себе суть экзистенциального одиночества героя.

Чехов в рассказе *Смерть чиновника* показывает, как мелкий служащий Червяков гибнет от собственной заикливости на статусе и страхе перед властью: «Придя домой, не снимая вицмундира, он лёг и... умер».

Зощенко через бытовые ситуации и иронический стиль отображает абсурдность жизни «маленького человека» в советской реальности, например, в рассказе *Не надо врать*: «Я говорю — не ел. А сам губы облизал» (Тинтин, 2022).

«Маленький человек» отличается от социальных типов с активной ролью в обществе своей пассивностью, отчуждённостью и бессилием. Он не борец и не реформатор, а скорее символ безмолвного страдания и социальной невидимости (Ларина & Новикова, 2024). Это делает его уникальным объектом анализа, позволяющим понять механизмы социальной дезадаптации и психологического давления.

Глава 3. Н.В. Гоголь: Акакий Акакиевич как архетип «маленького человека»

Образ Акакия Акакиевича Башмачкина в повести *Шинель* (1842) стал не просто литературным персонажем, но своего рода архетипом — символом всей социальной прослойки «маленьких людей» в русской литературе XIX века (Демидов, 2024; Ночевка, 2018). Гоголь впервые не просто вывел на первый план чиновника «низшего ранга», но и наделил его трагическим измерением, сделав его судьбу метафорой человеческой уязвимости в бюрократическом мире.

Башмачкин — скромный переписчик, полностью растворённый в своей службе, существующий на границе человеческого и безличного. Его речь, жесты, желания ограничены до минимума, а его бытие подчинено рутине. Единственная мечта — новая шинель — превращается в символ, одновременно банальный и глубоко экзистенциальный: мечта о принадлежности, о тепле, о признании. Шинель становится не только предметом, но и способом самоидентификации.

Композиционно повесть строится на контрасте между бесконечно «маленьким» героем и безликой, жестокой системой. «Значительное лицо», лишённое индивидуальности, становится воплощением отчуждения власти. В финале — после смерти героя — происходит мистическое возмездие: Акакий Акакиевич превращается в призрак, наводящий страх на петербургских чиновников. Этот гротескный поворот завершает путь «маленького человека» в гоголевской вселенной — от невидимого к всеильному, от жертвы к мстителю.

Гоголевская поэтика сочетает трагическое и сатирическое, реалистическое и фантастическое (Скороспелова, 2003). Именно это соединение делает образ Башмачкина не только социально значимым, но и философски многослойным. Повесть «Шинель» задаёт тон целой литературной традиции, где «маленький человек» становится воплощением не

только социальной несправедливости, но и морального абсолюта — своего рода невинной сущности, раздавленной механизмом бездушного мира.

Глава 4. Ф.М. Достоевский: «Маленький человек» как носитель страдания, вины и духовного напряжения

Если у Гоголя «маленький человек» представлен как социальная жертва, застывшая в быту и покорно несущая свою долю, то у Достоевского он превращается в внутренне сложную личность, для которой страдание — не только следствие социальной несправедливости, но и путь к моральному пробуждению и духовному постижению.

В *«Преступлении и наказании»* фигура Семёна Захаровича Мармеладова — один из самых ярких примеров маленького человека у Достоевского. Он не просто жалок, он сознательно жалок, он понимает собственное ничтожество, алкоголизм и беспомощность, но наделён потрясающей силой нравственного самосознания. Его знаменитая исповедь в трактире — не оправдание, а акт самоосуждения и обнажения страдания перед миром. Он — не функциональная жертва, а страдающее существо, надеющееся на искупление через боль.

У Достоевского герой низшего социального порядка способен к глубокому самоанализу, рефлексии, этическому выбору. Это видно в фигурах таких персонажей, как Макар Девушкин (*«Бедные люди»*) и Мышкин (*«Идиот»*). Эти герои говорят не столько от имени класса, сколько от имени униженного и оскорблённого человека, представляющего универсальное человеческое достоинство в мире, где оно не имеет цены.

Страдание у Достоевского — не случайность и не унижение, а путь к очищению и спасению. Даже когда маленький человек опускается до предела (Мармеладов, Смердяков), он остаётся носителем внутренней истины, которую «сильные мира сего» утратили. В этом заключается нравственный пафос Достоевского: «маленький» оказывается духовно выше «большого».

Достоевский сознательно строит художественный мир на контрастах: грязь — и чистота, нищета — и святость, безумие — и пронзительность. Его поэтика — поэтика парадокса, где внешне убогий человек оказывается вместилищем вселенской боли и любви. Даже в языке — простом, разговорном, сбивчивом — ощущается напряжение между отчаянием и надеждой.

В прозе Достоевского образ «маленького человека» трансформируется: это уже не просто объект социальной критики, а центр нравственного и философского конфликта. Он становится зеркалом, в котором отражается вся этическая драма современного мира. Маленький человек у Достоевского — богоискатель, страдалец, свидетель, и именно в его голосе звучит последний вопрос о смысле человеческой жизни.

Переходим к Антону Павловичу — он говорит тише, чем Гоголь или Достоевский, но в этой тишине — глубокая ирония, боль и человечность. У Чехова «маленький человек» — это уже не гротеск и не пророк страдания, а обыкновенный, забытый всеми человек, которого не замечают даже тогда, когда он умирает.

Глава 5. А.П. Чехов: Осмысленный абсурд и будничная трагедия

Антон Павлович Чехов продолжает тему «маленького человека», но делает это по-новому: снижается пафос, исчезает мистицизм, герой больше не ищет смысла жизни — он живет механически, «как все», и умирает незамеченным. Именно в этом — чеховская трагедия (Ганбарова, 2024).

В этом коротком рассказе трагедия разыгрывается не в финале, а с первой строчки. Чиновник Червяков — человек, целиком растворённый в страхе перед «начальством», в этикетке, в нужде угодить. Он чихает на генерала и не может простить себе этого «преступления»: *«Я вас не нарочно... извините... я не нарочно!»* — повторяет он. Он просит прощения до тех пор, пока не исчезает сам: *«Придя домой, не снимая вицмундира, он лёг и... умер»*.

Чехов гениально показывает, как страх перед властью, ничтожность и зависимость способны убить буквально. Это не трагедия личности, как у Достоевского, а трагедия механизма, который работает без сбоя — и убивает без драмы (Ганбарова, 2025).

В этом рассказе Чехов показывает, как внутренняя рабская логика «маленького человека» разрушает человеческие отношения. Тонкий, узнав, что его школьный друг стал генералом, тут же переходит на язык подчинённого: *«Позвольте доложить... рад-страстно»*.

Авторская ирония — не злая, но хирургически точная. Чехов фиксирует не только внешнее социальное положение, но и психологическую зависимость, которая унижает героя ещё до того, как его кто-то принижает.

Доктор Старцев — не совсем «маленький человек» в социальном смысле, но Чехов показывает, как человек становится маленьким: он когда-то мечтал, любил, волновался — а потом постепенно «затвердел»:

«Полнел, тяжёлел, стал молчалив, равнодушен ко всему... читал всё одну и ту же книгу».

Чехов здесь говорит о моральной усушке личности, об исчезновении души из-за комфорта и бездуховной рутины. «Маленький человек» у Чехова — это превращение, медленное и необратимое.

Чехов снимает трагедийную маску с образа маленького человека и показывает его в будничной, буднично-бессмысленной форме. Его герои не погибают от власти — они исчезают в пыли мелких обид, вежливости, служебных реплик, привычек. Это не «борцы», как у Достоевского, и не «призраки» Гоголя. Это живые люди, которые становятся невидимыми — при жизни.

Михайлович Зощенко, который не просто продолжает линию «маленького человека», а вскрывает её в новых условиях — в эпоху социализма, коммуналок, дефицитов и официальной риторики.

У него «маленький человек» — это советский гражданин, растерянный, смешной, бедный, обиженный — и часто сам не понимающий, чего хочет.

Глава 6. М.М. Зощенко: Сатира, быт и разрушение трагического образа

Зощенко пишет о маленьком человеке без пафоса. Его герои — не Акакии Акакиевичи и не Мармеладовы. Это люди коммунальной кухни, очереди, бытового коллапса и лексического упрощения. И главное — они сами не чувствуют себя героями, а живут, как умеют. И именно это делает их образ современным, тревожно-печальным и горько-смешным.

Зощенковские герои говорят простым, разорванным языком, без логики, с ошибками, тавтологиями. Это не просто стилистический приём — это способ передачи сознания, которое деформировано социальной ситуацией (Демидов, 2024).

«Ну, сижу я, значит, дома. А жена мне говорит: "Иди, — говорит, — за молоком". Ну, пошёл я. А там, значит, — очередь. А у меня, понимаете, тапки на босу ногу».
(из рассказа «Аристократка»)

Здесь повествование построено как поток бытовых мелочей, в которых теряется субъектность, исчезает ценностный ориентир. Герой существует в хаосе. Он не мыслит — он реагирует.

Советская идеология предполагала исчезновение «маленького человека», но Зощенко показывает, что он никуда не делся. Более того — теперь он вынужден изображать героя, когда на самом деле остаётся тем же растерянным и беспомощным человеком, которого мы видим у Гоголя (Ночевка, 2018)

Герой рассказа *«Не надо врать»* — боится жену, лжёт из-за мелочи и в итоге проваливается в трясины вины и нелепости:

«Я говорю — не ел. А сам губы облизал. Она и говорит: "Ну вот, опять врёшь". А я действительно ел». В этой фразе — вся трагикомическая суть зощенковского героя: лживость из страха, слабость из чувства вины, абсурд из быта.

Зощенко не издевается над героями — он говорит от их имени. Он сам — часть этого мира. Его проза — это внутренняя речь поколения, которое не научилось быть свободным, но и не хочет быть полностью зависимым. Его герои не героичны и не драматичны. Они — бесконечно человечны.

Зощенко завершает эволюцию «маленького человека»: образ, начавшийся с трагедии Акакия Акакиевича, здесь разрушается в быту, превращаясь в постиронию. «Маленький человек» больше не вызывает сострадания — он вызывает узнавание, улыбку, жалость без слёз. Это новая форма существования личности — в эпоху, где трагедии не допускаются, а потому — живут в языке.

Заключение

Образ закона в русской литературе XIX века предстает не как статичный юридический институт, а как сложный, многогранный и порой трагический символ столкновения между моральной интуицией, человеческой совестью и государственной властью. В произведениях Гоголя, Достоевского, Лескова и Салтыкова-Щедрина право и правосудие рассматриваются сквозь призму этики, религиозной мысли, социальной критики и философского сомнения. Авторы обращаются к теме закона не только для характеристики судебных и политических механизмов своего времени, но и как к способу осмысления фундаментальных категорий добра и зла, свободы и подчинения, справедливости и произвола.

У Гоголя закон превращается в карикатуру на бюрократическую машину, отчуждённую от живого человеческого духа. У Достоевского он становится ареной духовной борьбы, где преступление и наказание не всегда соотносятся с юридической буквой, но всегда — с метафизической и нравственной истиной. Лесков демонстрирует конфликт между живой человечностью и формальным правопорядком, придавая фигурам «праведников» моральное превосходство над официозной юриспруденцией. Салтыков-Щедрин разоблачает закон как инструмент насилия, как орудие лицемерной власти, в котором правосудие уступает место репрессии.

Таким образом, литературные образы закона в русской классике вступают в напряжённый диалог с реальностью — они не столько фиксируют юридические положения эпохи, сколько моделируют этическое измерение права, раскрывая моральные дефициты государственной системы. Эти художественные рефлексии до сих пор остаются актуальными, поскольку поднимают вопросы о соотношении справедливости и закона, гуманности и государственной дисциплины, формальной легальности и подлинной правды. Русская литература XIX века в лице своих крупнейших представителей выстраивает собственную философию права — трагическую, ироничную, обличающую и утопически надеющуюся на «высшую правду», которая способна преодолеть формализм и бездушие государственной легитимности.

Литература

- Демидов, Н. М. (2024). «Маленький человек» в контексте повествовательной структуры произведения: «Шинель» Н.В. Гоголя и «Неуемный бубен» А.М. Ремизова. *Litera*, (3), 124–135.
- Ганбарова, Н. (2024). Азербайджанско-русские литературные связи: к постановке вопроса. *ББК I Н 34*, 404.
- Ганбарова, Н. (2025). Духовная культура России и зарубежных стран: вопросы религии, философии, науки и искусства. В кн.: К.А. Мальцев (Ред.-сост.).
- Єрсмєєва, Г. О. (год неизвестен). *Дипломна робота*.
- Косицин, А. А. (2015). *Современный литературный процесс*. Самара: Изд-во СГАУ.
- Ларина, М. В., & Новикова, Е. О. (2024). Герой рассказа Р. Сенчина «Конец сезона» в парадигме «лишних людей»: схождения и отталкивания. *Сибирский филологический форум*, 27(2), 92–108.
- Ночевка, Е. И. (2018). Проблема «маленького человека» в русской литературе XIX века: эволюция и типология образа.
- Скороспелова, Е. Б. (2003). *Русская проза XX века. От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»)*. Москва.
- Тинтин, Б. (2022). «КОЗА» М.М. Зощенко и «Шинель» Н.В. Гоголя: к интертекстуальной связи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 22(4), 434–438.

Received: 02.08.2025

Revised: 04.08.2025

Accepted: 14.08.2025

Published: 18.08.2025